

тельности этого князя относится к первым десятилетиям XII в., когда еще существовали княжеские буллы со строчными греческими надписями.

Впрочем, окончательную проверку этого допущения следует отложить до знакомства с поздними печатями Владимира Мономаха исходя из соображения, что печати сына и отца, бытовавшие одновременно, должны содержать сходные элементы.

Печать Романа. К группе древнейших булл, не титулирующих владельца, относится печать с именем Романа, найденная на городище Старые Безрадицы близ Киева (№ 36). Эта печать была подробно изучена Н. П. Лихачевым, предложившим и ее предположительную атрибуцию⁶¹. Однако не все наблюдения издателя буллы представляются нам правильными.

Н. П. Лихачев безоговорочно признает наличие на печати изображения Богоматери особого, малораспространенного в иконографии типа. При этом исследователь ссылается главным образом на якобы имеющиеся по сторонам изображения богородичные титлы МР — ΘΥ. Обращение к подлиннику не обнаружило указанных издателем букв. Остатки надписей действительно имеются по сторонам погрудного изображения, но они не читаемы. Что касается самого изображения, в нем вряд ли можно видеть женский иконографический тип. «Прическа» изображенного лишь отдаленно напоминает плат, не имея в то же время некоторых характерных деталей последнего. Так, как на рассматриваемой печати, обычно изображались прически святых «младых образом». Иконографический тип святого вполне соответствует типу изображения св. Романа Сладкопевца, описанному в подлиннике следующими словами: «Роман певец кондакареви, в руке у него свиток; образом млад, а власы русы, а риза у него киноварь»⁶².

Соответственно с таким пониманием изображения мы читаем и надпись лицевой стороны не так, как предложил Н. П. Лихачев. Утраченный первый знак надписи он восстанавливал как Θ и всю надпись читал: [Θεοτό]κε β[οή] θ[ε] τῷ σῶ δ[ούλῳ] Ρωμαν[ῳ], обращая при этом особое внимание на отсутствие традиционного крестика в начале надписи. Нам представляется более правильным читать сле-

дующим образом: + Κ [ύρι]ε β[οή] θ[ε] τῷ σῶ δ[ούλῳ] Ρωμαν[ῳ], т. е. «Господи, помози рабу своему Роману».

В высшей степени уязвим вывод Н. П. Лихачева относительно возможной принадлежности печати Романа. Исследователь отметил, что «имя Романа носил сын Владимира Святого св. князь Борис», и призвал именно на него «обратить прежде всего наше внимание»⁶³. Схема доказательств, исходящая из этого тезиса, построена далее следующим образом. Исследователь обращает внимание на показания некоторых источников, отмечающих особое благорасположение Владимира к Борису и Глебу и указывающих на нахождение их в Киеве в момент смерти отца. Затем привлекается вывод об изображении на печати Богоматери, которая признается общим палладиумом киевского княжеского дома и Киевской земли, коль скоро таким палладиумом может быть признана Богоматерь Десятинной церкви. На этом основании Н. П. Лихачев считал возможным прийти к такому по меньшей мере смелому выводу: «Изображение Богородицы-Оранты на печати Романа мы решаемся считать тем изображением Богоматери, которое находилось в Десятинной церкви»⁶⁴.

Выше уже отмечена спорность предложенного исследователем истолкования изображения на печати Романа. Однако методический просчет этого построения не сводится к истолкованию сюжета буллы. Более существенным кажется нам то обстоятельство, что Н. П. Лихачев, предложив «обратить прежде всего наше внимание» на Бориса Владимировича как возможного владельца буллы, не остановился далее на возможностях иной атрибуции печати. Поэтому его вывод лишен той точности, какой требует критический анализ источника.

Переходя к такому анализу, следует прежде всего отметить, что булла Романа действительно должна быть отнесена к раннему периоду развития русской сфрагистики. На многочисленных материалах домонгольского времени хорошо прослеживается существование устойчивого тождества имен Борис и Роман, с одной стороны, и Глеб и Давид — с другой. Сочетания имен Борис-Роман и Глеб-Давид, принадлежавшие соответственно Борису и Глебу Владимировичам, после их канонизации на одном из этапов развития русской ономастики сделались традиционными и каноническими. Это слияние имен было столь характерным, что

⁶¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 269—274 («Печать Романа»).

⁶² Д. А. Григоров. Русский иконописный подлинник. «Записки Русского археологического общества», новая серия, т. III. СПб., 1888, стр. 103.

⁶³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 272.

⁶⁴ Там же, стр. 274.